

Козлов, Дмитрий (сост.): *Труды и дни Михаила Красильникова: Дневники 1951–1956 годов*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2024. 296 с. ISBN 978-5-94380-368-0.

Весной 2024 года в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге вышла в свет книга дневников *Труды и дни Михаила Красильникова*, успев стать долгожданной задолго до своего материального воплощения. Автор дневников, поэт Михаил Красильников, имел непосредственное отношение ко многим легендарным событиям истории советского андеграунда. Среди этих событий — «перформанс» (Липовецкий 2011: 113), емко названный критически настроенными газетчиками «Трое с гусиными перьями» (1952), когда Красильников и два других студента ЛГУ (Юрий Михайлов и Эдуард Кондратов), одевшись в русские рубахи, записывали лекции гусиными перьями, а в перерывах ели окрошку деревянными ложками и пели «Лучинушку», а также — провокационные и абсурдные лозунги на ноябрьской демонстрации 1956 года, затеянные (по сложившейся мифологии) Красильниковым из озорных побуждений. Оба события привели к исключению автора дневника из университета, но если в первом случае Красильникову удалось восстановиться, то во втором последствия были самые драматичные — он был осужден и отправлен в лагерь.

Надежды и ожидания, связанные с изданием дневников, получившаяся книга оправдала: уже сейчас понятно, что для всех, кто интересуется советской культурой, историей и повседневностью, эта книга станет одним из главных научных событий года. Объяснение этому заключается в том, что *Труды и дни...* охватывают сразу несколько важных проблемных контекстов.

Опубликованные дневники относятся к 1951–1956 годам, то есть к периоду, который в истории советской культуры остается одним из самых малоизученных. Из-за того, что историки (в том числе искусства и литературы) были и остаются заморожены «оттепелью» и всеми ее многочисленными парадоксами, противоречиями, взлетами и падениями, первая половина 1950-х оказывается в тени. Это положение усугубляется известной малочисленностью источников, особенно лич-

ных, которые позволяли бы увидеть, что происходило не в публичном пространстве или государственных кабинетах, а «на земле», день ото дня, в эти странные предоттепельные и позднесталинские годы. Как следствие, часто об этом периоде судят по свидетельствам, сделанным двадцать-тридцать лет спустя (и это еще в лучшем случае), и поэтому при всём желании отделить мифологию от фактов зачастую не просто трудно — невозможно.

Ярким примером здесь является ситуация, в самой гуще которой оказался автор дневника — Михаил Красильников. Наиболее частая аттестация, которую можно найти рядом с этим именем, — «поэт „Филологической школы“». «Школа» в данном случае вполне неопределенная, заслуживающая кавычек при любом упоминании, поскольку этот термин, родившийся позднее, описывает не устоявшуюся группу, а круг молодых людей, учившихся на филфаке ЛГУ имени А.А. Жданова (но не только), писавших стихи (но не только) и участвовавших в различных неординарных и творческих, перформативных (но не только) активностях, имевших место в Ленинграде в 1950–1960-х годах. Среди основных первичных источников сведений об этой «школе» до сегодняшнего дня преобладают в основном позднейшие воспоминания участников и очевидцев. В числе этих источников в первую очередь следует назвать статью Льва Лосева, не только участника «Филологической школы» (наряду с Леонидом Виноградовым, Михаилом Ереминым, Александром Кондратовым, Сергеем Кулле, Юрием Михайловым, Владимиром Уфляндом и автором рецензируемых дневников), но и ученого, исследователя литературы, — и даже в этом тексте концентрация мифологичности достаточно заметна. Кажется, что избежать мифов в подобном разговоре практически невозможно.

Мифологичность размывает факты и подкручивает представления. До сих пор не вполне решены вопросы о том, каковы границы подразумеваемого круга, в какой степени можно говорить о «школе», следует ли рассматривать экстравагантные (коллективные) действия в качестве творческих актов и, следовательно, отсчитывать с Красильникова и его друзей историю советского перформанса. И именно в направлении поиска ответа на эти (и другие подобные) вопросы и проблемы делают шаг *Труды и дни...* При этом нельзя сказать, что новая книга (раз)решает какие-то споры: она не дает ложного ощущения

ясности и однозначности там, где до сих пор его не было. Скорее, вместо решения застарелых вопросов дневники Красильникова заставляют прочитать эти вопросы глубже и внимательнее, увидеть их внове.

Труды и дни Михаила Красильникова — по крайней мере в том виде, в котором он их зафиксировал в своих дневниках, — предстают единым потоком. Здесь бурным и вполне частным событиям (таким, как частые студенческие попойки или ухаживание за девушками), культурным впечатлениям (от прочитанных книг и просмотренных фильмов) соразмерны события общественные, в том числе те, которые позднее окажутся в центре многих мифов ленинградской неофициальной культуры. Среди них — купание в ледяной Неве напротив университетского здания Двенадцати коллегий (точнее, напротив места, где Менделеевская линия упирается в Университетскую набережную) или «перекрестный допрос», устроенный Красильниковым и Юрием Михайловым поэту Назыму Хикмету на студенческой встрече с ним (Красильников и Михайлов засыпали мэтра потоком вопросов, чередуясь между собой — и вызывая гнев не только студентов, но и преподавателей; ситуация чуть было не переросла в драматическую, с орг. последствиями, однако в тот раз пронесло).

Важно, что перспектива, из которой мы наблюдаем за всем происшедшим, — именно «с земли», изнутри. Разумеется, дневник не может считаться исчерпывающим источником, он по необходимости не учитывает всех тех контекстов, которые сопутствовали описанным в нем событиям. Ограничения жанра и формата приводят к тому, что мы не имеем возможности увидеть в дневнике большую картину, проследить глобальные связи, видимые лишь с высоты птичьего полета, — именно поэтому в *Трудах и днях...* невозможно прочитать первые ступени истории (поздне)советского перформанса или важный этап русскоязычной поэзии XX века. Тем не менее, в них можно увидеть, как, в каких условиях, из каких составляющих и источников возникала, формировалась, конденсировалась неофициальность как таковая.

Важно помнить, что «Филологическая школа» стала одним из наиболее ранних сообществ неофициальной культуры. Значимость ее тем сильнее, что именно ее участники во многом заложили фундамент неофициальности как способа существования в культуре — по крайней мере, в ленинградской.

Среди компонентов этой неофициальности — в том числе нахождение «под зонтиком» университета как официальной институции, которое дало некоторым студентам-филологам (и среди них Красильникову) доступ к знанию о поэзии и культуре, в том числе XX века, которое если и не было недоступным, то точно не относилось к числу общеизвестных. Дело было не в каких-то специальных архивах или библиотеках, к которым можно было получить доступ, — скорее, речь о том, что без причастности филфаку далеко не каждому рижскому школьнику пришло бы в голову искать информацию о поэзии футуризма и выстраивать свою собственную идентичность в (сложном) взаимодействии с ней.

При этом, несмотря на принадлежность к большой официальной институции, университету, сам *переход* к неофициальности, ее сгущение вокруг Михаила Красильникова происходит именно из-за расхождения с институциональными нормами, которое по-настоящему не отрефлектировано изнутри ситуации самим Красильниковым — по крайней мере, до определенного момента. На протяжении дневника он высказывается критически о некоторых действиях и взглядах преподавателей и студентов, а иногда и высмеивает их самих и зачастую нелепые институциональные обстоятельства, но не выстраивает эту критику в систему. Практически любые его действия, активности, придумки, среди которых не только то самое заветное купание в Неве или поедание крошки в перерывах между парами, но и спонтанное путешествие на поезде на довольно большое расстояние, с чужим пиджаком и без твердой памяти об истоках этого положения, — всё это кажется самому Красильникову чем-то не слишком выбивающимся из обычной, нормальной студенческой жизни. Он не ощущает в своих действиях манифестацию собственного нонконформизма или контркультурности — возможно, потому, что само понимание контркультурности, в каких бы терминах ее ни описывать, пришло к молодым творческим людям того времени позднее и во многом благодаря личности и (жизне)творчеству Красильникова.

Больше того, кажется, что главный герой *Трудов и дней...* искренне разделяет официальную идеологию, по крайней мере во многом. Он ощущает себя вовлеченным в советский проект, интересуется политикой (в основном международной). Исключение из комсомола Кра-

ильников переживает как серьезную драму и расстроен, когда ему не удастся там восстановиться. Его непопадание в официальность не декларативно, а происходит «на практике», нащупывается вслепую и оказывается в какой-то степени открытием — и этот тезис можно распространить едва ли не на всё послевоенное поколение, в какой-то момент обнаружившее себя вне официальности. Как и участники другой ранней группы нонконформистов — художники Арефьевского круга¹ — Михаил Красильников и другие «филологи» оказались выброшены из системы не потому, что стремились отмежеваться от соцреализма, а всего лишь из-за слишком высокой степени нетерпимости системы. И Красильников, и Арефьев слишком широко и свободно трактуют границы допустимого — и потрясением оказывается для них то, что ни социально заряженные рисунки городской жизни в духе и стиле Оноре Домье, ни язвительное (и перформативное по своему эффекту) высмеивание чугунных культурных стереотипов, а также условностей студенческой жизни не соответствуют критериям, допускаемым официальными институциями.

То, что можно назвать процессом перехода в неофициальность, точно так же нащупывается при чтении текста дневника. Это изменение состояния воспринимается скорее чувственно, чем на уровне конкретных формулировок. Невозможно выделить момент, после которого дневник Михаила Красильникова становится дневником представителя неофициальной культуры, но к концу текста не возникает никаких сомнений в том, что это произошло — несмотря на то, что почти до самого конца Красильников благополучно остается студентом и даже задумывается о выпуске, ездит на производственную практику, выясняет отношения с женщинами. Ничто будто не предвещает драматической развязки, о неизбежности которой мы знаем с первых страниц, с редакторского предисловия. И от того, что к концу перед нами — документ андеграундной культуры, мы начинаем иначе видеть все этапы этого пути, включая сюда и вполне «невинные» пер-

¹ Художники Александр Арефьев, Родион Гудзенко, Владимир Шагин и Шолом Шварц учились в Средней художественной школе при институте им. И.Е.Репина (Академия Художеств) и были исключены оттуда за увлечение французским искусством XIX века (в основном импрессионизмом) и, как следствие, за формализм.

вые студенческие месяцы Красильникова, не говоря о бурном втором курсе, пройденном им не с первого раза. Избранная выше метафора конденсации неофициальности из разрозненных фактов жизни, интересов, привычек и взглядов Красильникова кажется достаточно точно передающей вышеописанное ощущение.

Таким образом, *Труды и дни Михаила Красильникова* оказываются важным источником по формированию неофициальной культуры в целом, помогают лучше понять механизм перехода из одного состояния в другое, позволяют отследить (и в перспективе проанализировать), как именно и по каким поводам образуются трещины в официальной системе. Особенную значимость обсуждаемой книге придает то, что это на сегодняшний день чуть ли не единственный эго-документ, фиксирующий описанные процессы зарождения ленинградского андеграунда *синхронно* их разворачиванию.

Впрочем, этим далеко не исчерпывается ценность дневников Красильникова. Они представляют собой очень содержательный источник, несмотря на относительно небольшой объем. В них содержится масса деталей, фактов, культурных событий, упомянуты десятки действующих лиц, чьи судьбы впоследствии разошлись по очень разным траекториям, но многие из которых сыграли свои роли в истории советской и российской культуры в той или иной ее области. *Труды и дни...* педантично, хоть и лаконично, прокомментированы — каждое действующее лицо, даже мелькающее на втором плане, определено и пояснено. Сведения о многих лицах мы можем найти только в этой книге.

Благодаря деликатной и скрупулезной работе составителя и редактора книги, историка Дмитрия Козлова², она читается не только как важный исторический источник, но и как законченное литературное произведение, драматичное, завладевающее вниманием читателей, побуждающее к сопереживанию, ведущее к кульминации и затем развязке. Конечно, отчасти роль в этом играет само содержание дневника, его литературные достоинства, а также перипетии непростой судьбы

2 Это уже не первый случай, когда стараниями Дмитрия Козлова в научный и читательский оборот возвращаются ключевые для истории позднесоветской культуры тексты: он был также редактором переиздания самиздатского альманаха «Женщина и Россия» в сборнике «Феминистский самиздат. 40 лет спустя» (Васякина и др. 2020).

Михаила Красильникова. В то же время кульминацией, придающей всей этой совокупности законченность, оказывается редакторское решение «продолжить» дневник (заканчивающийся арестом героя) публикацией протоколов допросов Михаила Красильникова и некоторых свидетелей по его делу в 1956–1957 годах. Эти документы выступают подробными свидетельствами о нескольких туманных событиях той самой роковой «демонстрации», закончившейся для Красильникова тюрьмой, — демонстрации, запечатленной в слухах, мифах и домыслах во многих ленинградских комнатах и кухнях.

Кроме того, в тексте одного из допросов, для которого Красильников, по всей видимости, стратегически решил расширить контекст и добавить «фактуры», приводятся критические рассуждения арестованного поэта о той системе, с которой он столкнулся в университете. Обвиняя преподавателей в равнодушии к студентам и характеризуя студенческую жизнь как не дающую достаточных смыслов и вынуждающую искать что-то большее, Красильников будто впервые суммирует для себя все те трещины и расхождения, которые привели к его неофициальности. Ни по скупым процессуальным документам, ни по дневнику (который к последним студенческим годам героя подсыхает и лишается многих подробностей, а главное, совсем не часто им используется) невозможно понять, была ли эта рефлексия университетских недостатков сколько-то систематизирована героем прежде — или же процесс начался уже в заключении.

Но бесспорно, что этот небольшой и по необходимости суховатый текст служит очень иллюстративным эпилогом *Трудов и дней...*, которые читаются не только как роман взросления автора, но и как повесть о зарождении советской неофициальной культуры.

Георгий Соколов

Литература:

- Васякина, Оксана и др. (ред., сост.) (2020): *Феминистский самиздат. 40 лет спустя*. Москва: Common place.
- Липовецкий, Марк (2021): «Спектакли свободы. Перформативные практики позднесоветского андеграунда», в: *Кoipon 2/2*, 106–141.
- Лифшиц, Лев (1980): «Тулупы — мы», в: Кузьминский, Константин/Ковалев, Григорий (ред.) (1980): *Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны. Том 1*. Newtonville, Mass: Oriental Research Partners, 141–149.